

5 - 1

науки из отдельных
наук: "Облава" "Бешавшего"
Генерала. А не: "Бежавшего"
от Родине как от приступа.
Объект: "Человек".

I.10.9Iг.ви

ОДИССЕЯ ~~старшего~~ ЛЕЙТЕНАНТА ЯНИНА
или история жизни "неудобного"
человека

В ночном штормовом море не только человек, но и огромная машина морского лайнера казалась ~~маленькой беспомощной~~ уткой скорлупкой. Еще днем веселые и беспечные пассажиры круизного теплохода сейчас, в глухую ненастную полночь измученно вжались в койки за наглухо задраенными дверями кают. И только один человек, широко расставив ноги, намертво ~~заплясал~~ в ~~зажимался~~ в мокрые леера, застыл на корме. Кормовая надuba то взлетала в промозглую слепую хмару, то стремительно уходила из-под ног вниз, несясь в фонтанах соленных брызг к невидимой черной воде. За спиной у человека оставалась родная земля, детство, юношество, друзья, одним словом, старая жизнь. Впереди — неизвестность. Либо гибель в разбушевавшейся стихии Черного моря, либо жизнь новая, там, за штормовыми валами, за неприветливой и пугающей чернотой ночи. Вторая жизнь, обрести которую он твердо решил после мучительных и тяжелых раздумий последних лет. Лишь один шаг вперед. Вот она ^{жизнями} граница. Между жизнью и смертью? Между двумя ^{жизнями}?

Будь, что будет! Человек, отпустив леера, решительно сделал этот один шаг вперед...

I. "Крылья краснозвездные, миные и грозные..."

Вряд ли кто из нас в детстве мечтал стать, ну, скажем, микробиологом. Обычно мальчишок притягивает героическая романтика ~~других профессий~~ ^{рисковых} - летчика, пожарного, танкиста... Но проходят годы, и повзрослевшие юноши с улыбкой вспоминают мечтания звонкоголосого детства, получая дипломы инженеров, ~~журналистов, учителей,~~ тех же самых микробиологов. И только считанные единицы сохраняют верность однажды родившейся пацанской мечте.

Из такой породы был и самарский мальчишка Валера Янин, раз и, казалось, навсегда полюбивший самолеты еще в свою босоногую пору. Валерка хотел летать, и с годами это страстное желание не уходило в ~~затмение~~ ^{розовые} воспоминания детства, а, наоборот, крепло, приобретая осмысленность и конкретные ощущения.

Первая попытка поступить в летное училище после школы не удалась. Диагноз врачей - как приговор: "шумы в сердце. К летной работе не годен". Сдаться? Нет, не в его характере. Уже тогда был упрямым, пока еще незаметно для себя самого делившим жизнь на "черное" и "белое", не замечавшим всех ее сложных оттенков и полутоонов. И, представьте, вторая попытка удалась. Убийственное для летчика врачебное заключение ^{- на первое время} исчезло на следующий год. Успешно выдержав вступительные экзамены, Валерий стал курсантом Черниговского высшего военного авиационного училища летчиков.

... А через четыре года Черниговский авиационный выпускал в небо очередную партию своих питомцев.

Юньское утро. Последнее в курсантской жизни торжественное построение на плазу училища. Каждого, поименно, - к покрытому кумачом отоду, к ослепительному в солнечных лучах блеску генеральского шитья.

- ... Лейтенант Янин!..

"Лейтенант?!" Знали, готовились к этому дню, а все равно голос раскатался, на весь плац произнесший твою собственную фамилию в сочетании с офицерским званием смущил, захлестнул красной краской. И через несколько секунд в его ладонь легли новенькие негнущиеся лейтенантские погоны с двумя блестящими звездочками и небесным просветом ВВС. Заветный пропуск в небо. И заслуженный: госэкзамены отлетели на твердое "отлично", а диплом, страшно сказать, подписан самим маршалом Кожедубом, легендарным ~~боевым~~ ^{историческим} асом Великой Отечественной!.. Будущее представлялось истребителем на взлете и не знал, не ведал молодой лейтенант, что через каких-то несколько месяцев, и именно после встречи с другим авиационным маршалом, жизнь, словно подбитый в бою самолет, начнет все круче и круге заваливаться в отвесное смертельное пике, чтобы в конце концов рухнуть в штормовую бурь Черного моря...

Служить попал неплохо. Даже престижно. Истребительный авиационный полк в Западной Белоруссии как раз только начал получать новые по тем временам машины МИГ-21. Пришлось, едва начав офицерскую службу, срочно переучиваться на них со знакомых по училищам ИГов - семнадцатых. Уставали как черти. А тут еще бытовые условия отвратительные - не жилья, ни перспектив, на него. Между тем, у многих, в том числе и у Янина, - жены и маленькие дети. Словом, наболело.

Поэтому известие о том, что полк собирается инспектировать сам тогдашний главком ВВС маршал авиации Кутахов встретили с облегчением и надеждой. Вот приедет барин, барин нас рассудит... Как-никак, у человека вся жизнь в авиации, сам когда-то был лейтенантом, фронтовик.

Когда через несколько дней маршальский самолет ^{приземлился} ~~приземлился~~

ся в полку, все "хозяйство", естественно, сияло и сверкало
~~как свеженачищенный духовой оркестр.~~ Выстроенные на летном
 поле безукоризненные прямоугольники эскадрилий замерли в
 ожидании высокого гостя. Молчала первая. Молчала вторая. А
 в третьей чуть слышно перешептывались. "Слушайте, хлопцы,
 мы же не свиньи в загоне... Мы же военные летчики,
 давайте скажем маршалу, может, даст команду помочь с жильем!"

- Здорово, ребята!.. Как живете?

- Отлично! - дружно гаркнула первая.

- Орлы! - восхитился главком и с тем же вопросом перешел ко второй. Вторая эскадрилья тоже оказалась всем довольной. А вот в третьей случился конфуз.

- Хорошо живем, товарищ маршал, - нестройно откликнулись несколько человек. Остальные пилоты угрюмо молчали.

- Эт-то что такое?!

Эскадрилья окаменела. Видневшееся из-за сиятельного маршальского плеча лицо командира полка стало по-покойнице серо-зеленым. Главком молча развернулся и пошел прочь.

"Эффект домино" не заставил себя долго ждать. Громовой раскат маршальского гнева прокатился сверху вниз - от воздушной армии до янинской эскадрильи.

- Вы еще не знаете плохой жизни, едрена мать! - орал командир полка, - я вас научу Родину любить, самобоны зеленые!

Лейтенанта Янина определили как зачинщика.

- Лучше сам проваливай, - я тебя все равно отсюда уберу. А не захочешь - будешь до пенсии капитанские погоны высиживать!..

Высиживать Валерий не хотел. Хотел летать. Однако шутить командир и не собирался. Для начала, в прямом для летчи-

ка смысле слова, подрезали крылья. Кто-то подбросил под дверь его комнаты ^{Секретную} книжку-инструкцию по особенностям боевого пилотирования МИГ-21. К тому времени, когда Янин ее обнаружил, в полку уже с нег сбились". Тебе бы, дураку, в печку инструкцию, и -шило-крыто, - сокрушились потом друзья, - чего ты в штаб поперся!" Итог - отстранен ^{ение} от полетов и отправка на обследование в Минск, в окружной госпиталь. Может ли, мол, нормальный советский летчик быть чем-то недовольным да еще творить всякие странности?

Не получилось, несмотря даже на то, что на дворе стояла осень семидесятого. "Лейтенант Янин полностью здоров, - ответили врачи, - сто процентов готов к летной работе".

Вроде начало надеждаться. Но на следующий год - мотоциклетная авария, тяжелый ^{открытый} перелом ноги. Здесь уже вердикт врачей был строгим: ограничение на потребитель, перевод в бомбардировочную или военно-транспортную авиацию.

Так и оказался Валерий на Дальнем Востоке, в полку ^{старых} уже и в ту пору ближних фронтовых бомбардировщиков Ил-28. Однако даже на этого двухмоторного "старичка" опального лейтенанта не посадили. Янин получил назначение на должность пилота-штурмана еще более древнего тихоходного транспортника Ли-2.

На погребе
из членов
семьи

→ Все чаще приходили на ум мысли, что в государстве далеко не все так ладно, как о том писали газеты. Все чаще вспоминались курсантские годы, тайный шепот по казармам о чехословацких событиях. Куда идет многомилионная "интернациональная помощь"? Почему в газетах - одно, в жизни - другое? Летчики, прибывшие из теплых стран по-черному материли в курилках и эту помощь, и "дружественные режимы", на оторванных которых пришлось воевать тайком в чужой форме, и официаль-

РТ

но-газетные "победы дружественных ВВС", вырванные на самом деле из советских самолетах руками советских пилотов. Для чего? Ради каких таких идеалов? Окурки с силой летели в урну, а вопросы оставались без ответов.

Валерий старался служить на совесть, готовился поступать в академию, получил погоны старшего лейтенанта. Но снова на пути встала злая судьба: не мог не влезть в очередной конфликт, не любил оставаться в обманутых дураках. Речь идет о спекуляции уже тогда дефицитными метоцилами "Урал" в масштабах целой авиадивизии, и главным, выражаясь современным языком, брокером, оказался ни много, ни мало - начальник политотдела. Однако плетью обуха не перешебешь: спекулянт изгидателем вместе с генеральской в полковничих погонах продолжал проводить линию "руководящей и направляющей", а вот старлею Янину, несмотря на поддержку командира полка, с планами на академию пришлось расстаться, ко причине политической незрелости

В экипаже, как, впрочем, и в полку процветало северное несплошное пьянство. "Янинский Ли-2 часто и взлетал, и садился под такой "мухой", что его болтало по полосе как на разбитой дороге. Однажды чуть не угроbились, в безобидной ситуации въехав с наземный локатор. Командир тогда искренне сказал Янину: "Чеши лучше отсюда, Валерка!... Ты еще молодой, может, вылезешь. А так - сопьешься как я..."

К слову говоря, тот многострадальный Ли-2, потом таки вернулся дому, по пьяному разгулу возврати во время заправки, тоннелем...

"Наверное, именно тогда, в начале семидесят третьего, я пришел к окончательному решению, что ни служить в такой армии, ни жить при таком режиме больше не смогу. Жестокость двуличие, коварство - во всем. Именно тогда я решил бежать.

на Запад. Захватывать самолет, рисковать жизнями людей - не это не в моем характере. Я понял, что могу и буду рассчитывать только на себя, на свои собственные силы..."

2. Не нужен вам берег турецкий? Ну, как знаете!

В августе 1973-го старший лейтенант Янин убыл, как говорят в армии, в очередной отпуск. К Черному морю, с женой и сыном. Долго размышлял, как сказать о задуманном жене Людмиле. В конце-концов сочинил неуклюжую нелепицу: он, дескать, работает на КГБ и сейчас его должны забросить за границу для ведения разведработы. "Ты рехнулся, Валера!.." - задыхнулась жена. Как мог, успокаивал, убеждал несколько дней. В конце концов та, зная упрямый характер мужа, смирилась.

С собой решил не брать ничего лишнего. Приготовил резиновую лодку, баллон со сжатым газом, питьевую воду, несколько банок тушеники. Сменную одежду и обувь запаял в целлофановый мешок. Все компактно разместилось в рюкзаке.

Несколько раз в безлунные ночи пробовал насколько далеко сможет отгрести от берега. Тщетно. Прибой, этот союзник невидимых пограничников, неизменно выбрасывал лодку на берег. И тогда Янин решился на отчаянный до безумия шаг: прыгнуть ночью с кормы круизного теплохода "Иван Франко", шедшего на Батуми.

Случилось это 13 сентября 1973 года, в сильно штурмившем море.

- Было страшно. Потом уже специалисты сказали, что мол, повезло тебе: сам того не зная, что в этом - шанс выжить, прыгнул в тот момент, когда корабль, задрав нос, взмывал на очередной вал. Если бы попал на обратную фазу - все, точно каюк. Нахлебался конечно...

Все-таки удалось расправить и надуть армейским баллоном лодку. Валы катились от берега и в этом тоже было спасение: выгребать веслами не надо, главное - продержаться до утра, не утонуть. К утру штурм стих.

Под утро шестнадцатого августа, на третий день своего невероятного плавания Янин увидел щербатую челюсть турецкого берега в мутно-сером войлок тумана. Тишина. Одиночные крики чаек. Уже было слышно, как волны плещутся о прибрежные камни, когда этот серый войлок неожиданно вспороли размытые желтые мечи прожекторов. Лучи опустились к воде, скрестились и настороженно поползли по белым барабашкам прибоя. А берег, берег-то, вот он, рукой подать. Черт, как быстро тут светает! Вдруг один из прожекторов косо, на какое-то мгновение мазнул по лодке. Янин резко свернул вправо, уходя за скалу. Луч лихорадочно заплясал по воде, пытаясь нащупать ускользнувшую добычу. Заме-

2.9.

тили! Тревожно звучали сирены. Я стремился во что бы то ни стало высадиться в Турцию незамеченным и самому потом сдаться властям. Ведь если бы меня взяли на берегу турецкие пограничники, было бы почти невозможно доказать, что я - не заброшенный агент КГБ.

За какую-то минуту натянул рубашку и брюки, и, лавируя между ~~волнистый~~^{Кайней} устремился в глубь берега. Шпать удача: светлые брюки и полосатая рубашка оказались в Турции чуть ли не одеждой того сезона, что позволило смешаться с толпой людей из близлежащего поселка Финдыкли, на рев сирены сбежавшихся к берегу из обывательского любопытства. Видимо, такой прыти с переодеванием в цивильную одежду турецкие пограничники от предполагаемого диверсанта не ожидали и поэтому без тени сомнения вытолкали его вместе с гражданскими за линию оцепления.

Побродил по взбудораженному поселку, умудрившись к вечеру даже попасть на широкую турецкую свадьбу, гулявшую по принципу "зван-не зван, все равно гость, заходи", и где ~~никого~~ никто ~~ничего~~ ни о чем не спрашивал. Переспал ночь в кукурузном поле, а наутро сдался в полицию Финдыкли.

Растерявшиеся полицейские (не каждый день русские из-за моря приплывают) повезли Янину на погранзаставу, где слегка пристыженный "ее начальник майор Чок подробно и в деталях расспрашивал беглеца о том, когда высадился, что видел в пути, как выскочил за оцепление. Попросили показать по карте свой путь. Позже Янин поймет причину столь скрупулезного интереса господина майора, получившего в ту ночь двойную пиллю...

Из Финдыкли Янину переправили в ~~Брабзон~~^{ТРАБЗОН}, и оттуда самолетом - в Анкару, столицу Турции. Глухая изоляция, специальная политическая тюрьма.

5-10

Но по ^{СРСКМ} фотографиям в газетах
понял, что пишут именно обо мне.

РГ

3.10.

- Вообще-то содержали меня хорошо. Одиночная камера, кровать, стол, стул. Газеты. Читать по-турецки я, естественно не умел, а по-английски помнил ^{только} два десятка слов. Два месяца примерно трясла турецкая контрразведка: на каких самолетах летал, что, где, почему, для чего. Я им внятно объяснил, что учился на старых МИГ-17, на новом МИГ-21 налетал всего-ничего, никаких секретов не знаю, да и знать не хотел. Наконец, вроде, отцепились. В военном смысле. Зато завели про политику, причем вопросы один дурнее другого. "Что Брежнев кушает на приемах? Какие сигареты курит? Как относятся к нему другие члены Политбюро?" И смех, и крех...

Янину дали русско-турецкий словарь, велели учить слова. Через пару дней заметил, что такую же книжницу носят не только ему, но и в соседнюю камеру. Солдаты-охранники долгое время скрывали, что в ней - тоже советский. Попытался с ним перестукиваться. Однако на следующее утро явился хмурый караульный офицер с переводчиком. "Человек в соседней камере жалуется, что вы мешаете ему спать, - набычился он, - это запрещено".

И все-таки контакт установить удалось. Соседом Янина оказался некто Виталий Лейberman, бывший капитан медицинской службы пограничного отряда под Батуми. Дернулся через сухопутную границу в ту же ночь, когда доблестные солдаты майора Чока безуспешно гонялись за Яниным по морскому побережью. Кстати говоря, как выяснилось много позже, первое, что сделал экс-капитан после нового знакомства, - заявил туркам, что, по его мнению, Янин - агент КГБ. Вообще, производил впечатление человека запуганного и склоочного, ^{своинного} мании преследования. Так же, как и Янин просил турок об одном: дать возможность выехать в Америку, или Западную Европу.

В один из дней, в конце октября, солдаты отвели Янина в кабинет начальника тюрьмы. Там, кроме хозяина, беглеца встретил европейского вида мужчина в галстуке и хорошо сшитом штатском костюме. "Полковник Центрального Разведывательного Управления Майлз", - без обиняков представился гость.

Заокеанский рыцарь плаща и кинжала оказался куда расторопнее и деловитее своих турецких коллег, проведя ту же двухмесячную работу с Яниным всего за несколько дней. Естественно, минуя дурацкие вопросы о гастрономических привязанностях Леонида Ильича. Опытный ~~всё~~^{специалист} согласился с выводом турок: ценность перебежника для использования в разведработе нулевая. "О кей, Валерий, - вздохнул полковник во время очередной беседы, - завтра вы вместе с вашим соотечественником покините Турцию. Но полетите пока не в Америку, а в Западную Германию, во Франкфурт-на-Майне. Ну-ну, не расстраивайтесь, только английский язык и ожидание визы, на въезд в США, слово офицера..."
Завтра было 1 ноября 1973 года. Вывозили их из Динкера со всеми предосторожностями, предварительно переодев в форму турецких гражданских летчиков. "КГБ", - коротко пояснил Майлз.

Франкфурт, двухмиллионный, залитый ~~неоновыми~~^{Анкары} огнями рекламы город-монстр, в котором человек терялся подобно песчинке в пустыне, ошеломил и потряс Янина. Либеральные американцы, не в пример туркам, не стали запирать их в тюремную камеру, а отвезли из аэропорта в приличную квартиру в одном из самых обычных городских кварталов, строго-настрого, правда, наказав до утра никуда не выходить, а утром ждать гостей. Но ~~мало~~ ли упрямый Янин, нахлебавшийся черноморской воды, присидевший два месяца в одиночной камере турецкой контрразведки, оставаться в квартире в первую свою ночь на Западе! Естественно, пропустив запрет американцев мимо ушей, он с головой

окунулся в ночной Франкфурт. Бродил по ярким праздничным улицам, подолгу, разинув рот стоял у заваленных сказками из коммунистического далёка витрин супермаркетов, зачарованно брел по ночным набережным Майне. Все, абсолютно все, окружавшее Валерия в ту ночь казалось олицетворением желанной Свободы. И он хлестал эту Свободу чайными стаканами, он упивался ею, дав сам себе клятву во что бы то ни стало вырвать на Запад семью. Дамой пришел уже под утро, безумно усталый и счастливый.

Дисциплинированный Лейберман, просидевший всю ночь, как и предписывалось, в квартире, тут же ~~и застучал~~^{надо сказать} своего соотечественника явившимся на следующий день американцам. За что Майлз, ~~встречом~~, без особой охоты, пожурил Янина. "Впрочем, хватит об этом, - продолжал полковник, - все улажено. Вы будете пока жить здесь и получать небольшое пособие для ^{иши} эмигрантов. Будете изучать английский язык в специальной школе для них же. Да, и еще: прошу вас: минимум контактов. Поймите, что КГБ повсюду, не исключено, что вас уже ищут, а таких, как вы, они не прощают. Поэтому для однокашников в школе, а люди там со всего света, вы будете, ну, скажем, финном."

Познакомили с переводчицей. Анне Робинет, немолодая ^{ЧЕШКА} ~~женщина~~, вскоре стала для Валерия самым близким человеком. В феврале она даже предложила усыновить Янина, после того, первого тяжелого разговора с Родиной. Жена плакала, мать ругала последними словами, называла изменником, обещала проклясть и забыть.

"Я одинока, стара, - сказала Анне после того разговора, у меня немалое состояние, по крайней мере достаточно денег для того, чтобы нанять адвоката, помочь твоей семье вырваться из СССР..."

В школе у Валерия дела шли хорошо. Английский давался на удивление легко, учителя хвалили. Не обошлось, правда, и без неприятных ощущений. Едва ли не в первый день Янин нос к носу столкнулся в коридоре с двумя офицерами в форме... советских ВВС! Сердце ухнуло в пятки и он с трудом посторонился, чтобы дать им пройти. "Не бойся, - успокоительно похлопали по плечу американские друзья, - ты же финн. А эти парни из советской военной миссии".

Вскоре Янина перевели в продвинутую группу. И здесь в первый же день пришлось поволноваться. "О, отлично, что вы финн, - обрадовалась новая преподавательница, - объясните вот этому вашему соотечественнику тонкости урока, он не вполне понимает". Янин за мгновение взмок, встретившись с финским глазами. От волнения заговорил почему-то по-русски, тупо глядя на собеседника, а потом обратился к преподавательнице: "вы знаете, у нас разные наречия, мы плохо друг друга понимаем..." "Да брось ты, - тихо зашептал "финн" на чистом русском, - отлично я твое "наречие" понимаю".

"Финн" оказался не только действительно соотечественником, но и коллегой: годом раньше Янина, он, пилот гражданского АН-2, предварительно высадив пассажиров, угнал самолет в ту же самую Турцию, в Трабзон.

...А весной семьдесят четвертого пришло, наконец, долгожданное разрешение на выезд в Штаты и уже 15 марта, Янин разглядывал через иллюминатор заходившего на посадку "Боинга" проплывшую под крылом величественную фигуру Статуи Свободы и раскинувшийся за ней огромный город.

Вот ты какой, Нью-Йорк!..

В аэропорту Янина встречали. Князь Голицын, председатель русского Толстовского фонда, организованного для помощи иммигрантам из России.

7.14.

Я был бесконечно благодарен толстовцам, — вспоминает Янин, — с первых же дней мне предоставили сносную квартиру на Манхэттене, выделили пусты и небольшую, но достаточную для того, чтобы встать на ноги, материальную помощь. Надо сказать, что этот фонд существует исключительно на добровольные пожертвования и каждый иммигрант, получивший ссуду, волен в своем выборе — возвращать или не возвращать ее потом. Дело совести каждого. Но, насколько я знаю, возвращают практически все. Меня просто потрясли те человечность и доверие, с которыми я столкнулся с первых же часов пребывания на американской земле.

из фондовых денег Валерий за 800 долларов купил подержанный "Фордсмобил" и, надо же такому случиться, в этот же день буквально на голову свалилось предложение работы. Трое представительных джентльменов нанесли визит по линии ведомства армейской разведки. Поначалу снова турецкая тягомотина: особенности МиГ-21, количество машин в полку, настроение летчиков...

Я сразу сказал господам, что на эту тему беседовать не буду, так как хочу просто спокойно жить и трудиться, не сотрудничая ни с одной спецслужбой на земле. А если их интересует двадцать первый МиГ, то они могут в деталях однакомиться с ним у своего нового Египетского друга Анвара Садата. Мы, дескать, сдуру уже успели вооружить BBC Египта этими машинами.

Резануло ухо этим "мы". Мы, значит, русские. А "они", хоть он и приехал к ним, казалось, навсегда, остались все-таки "ими".

Джентльмены слегка передернулись, но все так же доброжелательно и спокойно сообщили, что мистер Янин, очевидно, не

так понял суть их интереса. Они имеют поручение командования ВС предложить ему следующий контракт. Янин в течение месяца в сопровождении авиационных офицеров посещает несколько военно-воздушных баз, встречается с летчиками, осматривает их технику, знакомится с бытом, рассказывает о жизни и заботах советских военных летчиков. "Нашим парням все это будет жутко интересно, - добавил один из них, - вся поездка, кстати, за счет ВВС, да и три тысячи долларов по окончании вам не помешают".

Янин тогда ответил "нет". Повторил это "нет" на следующий день и вashingtonским высоким начальникам джентльменов. Он вообще не хотел заниматься никакой, даже безобидной на первый взгляд околовоенной деятельностью, боясь хоть чем-то нанести урон стране, которую ~~он~~ оставил. По этой же причине он отказал и Юрасову из "Голоса Америки" сулившему тройной гонорар за небольшое выступление на радиостанции.

Бывший старший лейтенант, летчик-истребитель советских ВС стал обычным нью-йоркским таксистом. Были ли другие варианты? Да. Предлагали пойти работать на знаменитую вертолетную фирму Сикорского, охотно брала школа летчиков-испытателей.

Я уже в то время зарабатывал неплохо. Имел примерно тысячу долларов в месяц, жил на Бродвее, недалеко от Колумбийского университета, машину купил вторую, японскую "Мазду". Друзья появились. Например Владимир Зозуля и его жена Люба, эстонка Габриэль. Владимир, кстати, в то время был атаманом ^{эмигрантского} зачельного круга. Очень мне помогали. Но все равно прежде всего мне нужно было быть независимым, чтобы однажды никого не подвести уйдя с фирмы. Поэтому не пошел ни к Синорскому, ни в школу летчиков, хотя очень хотелось. А уезжать, я знал, все

равно придется. Жена и сын. Я не мог их бросить там. Я боялся за них. Звонил жене так часто, как мог, просил ее ждать, надеясь. Кстати, тогда, на борту теплохода в последнюю ночь я велел ей сразу же после моего исчезновения пойти в КГБ и сказать, что я нелегально уехал за границу с целью прижиться в Америке и начать работу на советскую разведку. В случае, если бы они заинтересовались этим предложением, то в телефонном разговоре со мной на вопрос "как погода в Москве?" она должна была ответить: "хорошая". В противном случае - "плохая". Это было нужно для того, чтобы гэбисты не преследовали Людмилу, - мол, сама пришла и ^{то} ибо всем рассказала. Когда же ее ответ на этот вопрос оказался "не хорошая, но и не плохая", это меня не на шутку встревожило. Именно так, как может тревожить неизвестность. Я твердо решил немедленно ехать за семьей в Союз.

Большим трудом, не будучи еще гражданином США, удалось таки добить американский туристический паспорт и 22 сентября 1974 года Валерий Янин вылетел в Турцию.

3. В последний раз по маршруту аргонавтов.

И снова Трабзон. Только теперь - свободным человеком, в открытую и с шестьюстами долларов в кармане, а не за пыльную окном полицейского джипа.

Запланировал уходить тем же маршрутом, надеясь на уже проверенный и модернизированный сон орлов майора Чока и стражей границы на абхазском побережье. В Трабзоне купил костюм для подводного плавания, резиновую лодку, японскую, не чета предшественнице. Одна беда - лодка оказалась ярко-желтой и Янину пришлось наспех покрасить ее из баллончика-пульверизатора. Приехал в Финдию - снял номер в гостинице и несколько дней ждал подходящей для задуманного плавания погоды. Наконец, в ветреную

безлунную ночь решился.

На этот раз стартовать удалось достаточно удачно, с конца уходившего далеко в море *Мола*. Серьезно штормить начало позже, через двое суток в открытом море, почти у самых советских территориальных вод. Когда до берега оставалось уже около двадцати километров, очередная волна смыла с лодки одно весло.

- Я понимал, что нужно немедленно принимать решение, иначе провал. Отлив не позволял приблизиться к берегу на одном весле, а с рассветом я почти неизбежно был бы замечен советскими сторожевыми кораблями. Решил плыть сам.

- Сам?! Но ведь это почти двадцать километров!..

- А что делать, - иначе провал... .

...Янин привязал к поясу лишь герметично закрытый целофановый пакет с брюками, рубашкой и шерстяным свитером, оставил в лодке промокший до нитки "водонепроницаемый" костюм и бросился в море...

Это кажется невероятным, фантастическим, но он выплыл, выплыл, уже путая галлюцинации с явью, море и небо...

Когда на пляж стали лениво подтягиваться отдыхающие, до лежащего в прибрежных камнях бездыханного молодого человека они сначала приняли за утопленника. Перевернули на спину. Дышит. Гульс есть тоже. "Надо же так нахряться, - сказал кто-то, - слава Богу, хоть не утоп, идиот". Публика тут же потеряла к Янину всякий интерес.

Он очухался где-то в два часа дня. Прибой, спокойствие. Лениво отдыхавшие люди превожали его насмешливыми взглядами, когда он, покачиваясь, брел по пляжу. "Неужели пронесло?!"

На электричке доехал до Батуми, взял билет на ростовский поезд. Единственное, на что хватило сил под убыстря-

щийся стук колес, - это разложить на самой верхней, третьей полке купе промокшие американские фотографии и туристический паспорт. И уже ни артиллерийская канонада, ни железнодорожное крушение не могли нарушить его сна.

~~Хорошо~~ Когда Валерий проснулся, поезд стоял на какой-то станции. Раннее утро. Янин чуть повернул голову, скосил глаза вниз и похолодел. За столиком на нижней полке сидела миловидная девушка и разглядывала аккуратно разложенные перед собой фотографии и паспорт. Очевидно, ночью кто-то из сходивших пассажиров, доставая чемодан, стряхнул вниз все яническое хозяйство.

- Мне ничего не оставалось делать, как с ней познакомиться. Девушку звали Оля, она была студенткой Ростовского университета. Начал ей что-то врать по поводу того, что был в Турции в туристической поездке, и вот теперь возвращаюсь домой. "Не надо, Валера, - вдруг тихо сказала она. Я ведь ^{отличница} не дурочка и могу ~~отлично~~ на фотографиях Турцию от Штатов. Да и английский у меня неплохой, по крайней мере, достаточный для того, чтобы прочитать в паспорте, что ты никакой не турист, а военный летчик и политический беженец. Ты, наверное, назад с каким-то заданием, ведь не просто так? Да ты не бойся, я тебя никогда не выдам. И я, и многие мои друзья прекрасно тебя понимаем. Я не хочу тут жить, не хочу, Валера, возьми меня с собой"! Меня, честно говоря, это поразило. Ведь девчонка была уверена, что перед ней сидит американский шпион, а глаза ее сверкали обожанием и восхищением. Студентка, наверное, комсомолка, и так думают многие ее друзья. Боже, в, какой же лжи погрязла эта бедная страна!

Они вместе сошли ~~на~~ поезде в Ростове. Целый день бродили по городу, а вечером Валерий уехал в Куйбышев.

Было горько и грустно оттого, что приходится пробираться по родному городу как вору, смертельно боясь встретить друзей, или даже увидеть знакомое лицо в окне переполненного трамвая.

Из телефонных разговоров с женой знал, что она теперь работала в ателье на окраине города. Прождал до сумерек на скамейке у входа. Позвонил. Беспечный голос удивленно ответил: "Люду? А она ушла еще в три часа. "Побежал к дому тещи - где же еще ей жить?

- Спрятался под деревьями, а сердце, понимаешь, как раненая птица бьется - придет-не придет. И вдруг цок-цок-цок, торопливо так, каблучки за углом. Я ее пропустил немного вперед, зашел сзади и глаза ладонями закрыл. Она замерла как вкопанная. А когда ко мне повернулась - истерика. Затащил в чужой подъезд, успокаивал, как мог, но все равно, час еще не могла говорить, заикалась...

В ту ночь, на даче знакомых за городом, они не сомкнули глаз. Под утро Людмила решилась: "еду"!. Взяли девяностогодишнюю сынишку, Людмила отпросилась на работе на несколько дней под предлогом то ли свадьбы подруги, то ли еще чего-то, и - в путь. Тем же маршрутом, проторенной, казалось, тропой...

... Думалось, что все. Самое опасное позади: неудавшаяся из-за сильного прибоя вчерашняя попытка отойти от берега, первые, пугающие километры прибрежных вод, хищные лучи пограничных прожекторов. Жена и сынишка уже совсем успокоились, когда из черной пелены ночи прямо по курсу показались контуры рыбакского баркаса. Их заметили. С рыбакского баркаса тревожно замигал фонарь, а сама посудина, застучав движком, настойчиво пошла на сближение.

"Вы, что, заблудились? - хрюплю прокричали с борта, - до берега уже верст семнадцать. Давайте возьмем на буксир!.."